

Л.В. Воробьева

Томский политехнический университет

**Городское пространство Лондона как текстопорождающий механизм
в очерковой прозе русских писателей начала XX века**

Аннотация: Работа посвящена анализу лондонского текста русской культуры первой половины XX века в очерковой прозе. Впервые образ города рассматривается через соотношение кода и исторической реальности. Это дает возможность говорить о многоуровневой системе восприятия города в рамках русской ментальности. В работе показано, каким образом столица западной цивилизации усваивается русским сознанием и становится включенным в общерусский литературный и культурный контекст.

Article is devoted the analysis of London text of Russian culture of the beginning of the XXth century in documental prose. For the first time the image of a city is considered through a ratio of the code and a historical reality. It gives the chance to speak about multi-layer system of perception of a city within the limits of Russian mentality. It is shown, how the capital of the western civilization is acquired by Russian consciousness and becomes included in Russian literary and cultural context.

Ключевые слова: городской текст, текстопорождающий механизм, диалог культур.

City text, text generating mechanism, dialogue of cultures.

УДК: 882-3«19»:801.7(091).

Контактная информация: Томск, ул. Усова, 4а. ТПУ. Тел. (3822) 563297.
E-mail: VorobjevaL@rambler.ru.

Исследование городского текста как научная проблема стало особенно актуальным для литературоведения последнее десятилетие. Разрабатывая методологию функционирования текстовых структур, литературоведение опирается на достижения в области лингвистики, где понятие «текст» стало использоваться гораздо раньше. Основополагающими в изучении такого явления, как «текст» стали работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, М.М. Бахтина, Б.М. Гаспарова.

В понимании термина «текст» мы опираемся прежде всего на труды Ю.М. Лотмана, который говорит о том, что «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман, 2002, с. 746]. Таким образом, текст обладает несколькими функциями: коммуникативной, смыслопорождающей и функцией, связанной с проблемами памяти культуры.

Последние десятилетия современное литературоведение активно занимается изучением бытования европейских столиц в произведениях русских писателей, определением их места в русской литературе и культуре. Существуют работы, посвященные исследованию римского текста русской литературы, венецианскому, берлинскому и т.д.

Тем не менее, в настоящее время Лондон, занимающий особое положение в мировой истории и культуре, не привлекал должного внимания в литературоведении. На сегодняшний момент наиболее известны культурологические работы О.А. Казниной [«Я берег покидал...», 2001], занимающейся проблемами русской эмиграции в Англии.

В начале XX века Лондон, становясь активным местом действия произведений русской литературы, нуждается в системном изучении и структурировании.

Говоря о лондонском тексте русской литературы начала XX века, мы принципиально разграничиваем лондонский и английский текст русской культуры. Полемизируя с Л.С. Прохоровой, которая утверждает, что в русской литературе «Лондон выступает как репрезентативный образ Англии» [Прохорова, 2005, с. 4], мы полагаем, столица Британии выступает как отдельный элемент, обладающий своей структурой и своеобразием, отличным от образа Англии в целом.

Смена научной парадигмы, технизация Лондона, бурно протекающая в XX веке, неизбежно приводит к тому, что сам город «подталкивает» писателей разных направлений использовать именно модернистские приемы при его описании. В рамках историко-философского направления модернизм следует понимать как «идеологическое течение в европейской философии, направленное на преобразование и обновление» [Olshansky, 2002, с. 13].

В начале XX века модернизм становится определенным новым мировоззрением, которое ориентируется на индивидуальность и научное познание. М.М. Федорова [Федорова, 1997] связывает развитие модернизма с научной революцией, которая предполагала переход от видения мира, как управляемого божественным промыслом, к осмыслению мировых процессов как саморегулируемых. На смену символическому единству в миропонимании приходит другая картина мира, где человек отделен от природы, но пытается всячески с ней соединиться путем подчинения ее своей мысли и воле. В таком мире все подчинено законам механики, которые способен понять человек. Лондон как центр научного, рационалистического метода познания становится воплощением идеологии модернизма.

Мифологичность становится одним из основных проявлений модернистской поэтики при описании лондонского текста русской культуры, поскольку миф, благодаря своей исконной символичности, является удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, существенных законов социального и природного космоса. В рамках модернизма миф позволяет «выйти» за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления «общечеловеческого» содержания.

В начале XX века отношения между Россией и Великобританией носят сложный, часто противоречивый характер. Симпатия России к Британии проявляется во время Первой мировой войны, поскольку страны становятся союзниками. В печати появляется масса публикаций, посвященных дружественной нам Англии. Знаменательным событием становится совместная работа над книгой «Душа России» [The Soul of Russia, 1916], которая издается в 1916 г. в Англии. В книгу включены стихи русских поэтов, в переводе и в подлиннике, статьи о Британии, ее восприятии русскими, очерки англичан о своих путешествиях по России. Различным сторонам жизни двух стран посвящены статьи И.Ф. Стравинского, З.Н. Гиппиус, И.В. Шкловского, Н.И. Киреева, Г.К. Честертон и т.д.

По приглашению английского правительства в феврале-марте 1916 г. в Лондон прибывает делегация русских журналистов, в состав которой входят известные общественные деятели того времени: К.И. Чуковский и В.Д. Набоков (отец писателя В.В. Набокова). За время Первой мировой войны данный визит – первое официальное приглашение Англии. В силу этого, посещение Британии носит явный политический характер, поскольку основной целью делегации становится распространение информации о военной поддержке, которую Англия ока-

зывает России. В.Д. Набоков представляет газету «Речь» [Набоков, 1916, с. 2–27], К.И. Чуковский – журнал «Нива» [Чуковский, 1916, с. 805–809].

Эти очерки носят репрезентативный характер и выявляют особенности формирования лондонского текста в очерковой прозе начала XX века. Визит писателей носит знаковый характер для формирования образа города, поскольку люди разных политических убеждений описывают Лондон в один и тот же промежуток времени, посещают одни и те же мероприятия в рамках данного визита, но отмечают разные детали своего пребывания.

Мы рассматриваем очерки как тексты коммуникативного свойства, где превалирует функция передачи информации. Именно это отличает их от художественных текстов, которые отличаются способностью генерировать новые сообщения. Писатели первой половины XX века следуют традиции русской литературы, восходящей к Достоевскому [Достоевский, 1973], очерк которого («Зимние заметки о летних впечатлениях») задает определенные рамки прочтения лондонского текста, актуализируя мифологическую, социальную и религиозную линию.

В отличие от художественного текста газетные очерки – это прежде всего тексты коммуникативного свойства, где превалирует функция передачи информации. Следовательно, история как элемент самопознания выходит на первый план, а код города как элемент тяготения к предсказуемости отходит на задний план. Журналистика начала XX века вносит свои коррективы, актуализируя мотив современности, меняющейся исторической действительности.

В.Д. Набоков выносит смысловую доминанту текста в название очерка, – «Из воюющей Англии» – тем самым, подчеркивая действия, разворачиваемые внутри пространства страны.

В.Д. Набоков в предисловии к очерку «Из воюющей Англии», опубликованном в газете «Речь», четко определяет цель Англии по отношению к визиту русских журналистов: «Обращаясь к нам с таким приглашением, союзники наши руководились желанием довести до сведения широких кругов русского общества объективные впечатления незаинтересованных лиц, могущих свидетельствовать о том, что они видели» [Набоков, 1916, с. 2]. Британия заинтересована в освещении в русской прессе полной объективной картины современности, поскольку нуждается в России как в стратегическом союзнике, помогающем ей в военных операциях в условиях Первой мировой войны. По просьбе правительства члены делегации должны были посетить английский флот, фронт во Франции и Бельгии, а также осмотреть центры мобилизованной промышленности, развеяв сомнения России в том, что Англия невоенная страна.

Война меняет лицо Лондона, теперь здесь невозможно заметить города, пронизанного историей. В.Д. Набоков, прежде бывавший в стране, отмечает: «Первое, что поражает, по сравнению, с привычными впечатлениями в Англии, – это огромное количество людей, одетых в военную форму» [Там же, с. 4].

Старинные фасады также меняют свое лицо. История заменяется постерами: «Другая, сразу бросающаяся в глаза, особенность физиономии Лондона в настоящее время – значительное изуродование этой физиономии плакатами, призывающими записываться в армию» [Там же, с. 7]. То, что отличало город многие десятилетия, а именно неразрывная связь города с его тысячелетней историей, во время кризиса актуализирует мотив современности, история творится здесь и сейчас, в реальности этого времени.

Ситуация войны актуализирует мифологическую линию. Для Лондона символика «войны» соотносится с такими понятиями, как «желать, стремиться; достигать, получать, побеждать; наслаждаться; есть, питаться, любить». В.Д. Набокова, как носителя русского сознания, поражает: «Война как будто нисколько не отразилась на темпе лондонской жизни. Огромные, роскошные залы гостиницы, где мы живем, каждый вечер полны “до отказа” разодетой толпой, гремит музыка, льется шампанское, везде кругом в пух и прах расфранченные

и чрезмерно оголенные дамы и девицы, – не закрылся ни один из модных ресторанов, театры и места развлечений работают превосходно» [Набоков, 1916, с. 8]. Принципиальным становится различие в восприятии войны, поскольку для русского сознания мифологема «война» прежде всего связана с такими понятиями, как «святое (дело)», «то, что освящено». Для В.Д. Набокова такие различия становятся существенными и могут повлиять на развитие отношений двух держав.

По мере пребывания в Лондоне В.Д. Набоков отмечает для себя еще одну цель визита: «Цель эта – рост и укрепление нашей духовной близости с Англией. Она – эта близость – должна пережить войну» [Там же, с. 17]. Политическое сближение двух стран приобретает характер духовного объединения. Общие военные интересы помогают найти точки соприкосновения в сфере культуры. Возможность развития отношений такого рода Англия видит в будущем: «В этом будущем тесное сближение Англии с Россией рассматривается, как нечто неизбежное и плодотворное для обеих наций» [Там же, с. 19]. Лондон заинтересован в сближении с Россией не только в военной сфере, но и в научной. Серьезность таких намерений выражается в сборе средств для финансирования научных и образовательных программ в будущем. Англичане искренне верят в возможность таких плодотворных отношений с Россией.

Тем не менее, опираясь на факты в развитии связей между двумя державами, Россия скептически относится к таким заявлениям, понимая, что как только отпадет необходимость в стратегическом партнерстве, Англия разорвет отношения, поскольку ее отношение к внутренним проблемам России далеко не однозначно. Предложение о сотрудничестве в будущем видится В.Д. Набокову нереальным. Все усилия Англии окажутся напрасными, поскольку недоговоренность между странами приведет к очередному кризису в отношениях: «Но нет ни малейшего сомнения в том, что истинное сближение в будущем окажется несовместимым с замалчиванием всего, что по существу препятствует взаимному сочувствию и пониманию» [Там же, с. 20]. Здесь четко прослеживаются позиции, занимаемые двумя странами. Если для Англии развитие отношений заключается в стратегическом и взаимовыгодном партнерстве, то Россия понимает сотрудничество как взаимосвязь в духовной сфере, и мыслит в таких категориях, как сочувствие и понимание.

В.Д. Набоков, описывая Лондон времен Первой мировой войны, показывает как кризисная историческая ситуация меняет лицо города. В это время «узнаваемость» столицы, ее код, уходит на второй план. Город актуализирует мотив современности, подчеркивая, что это есть время, когда творится история. И Лондон как столица Англии, осознавая свою ответственность, принимает непосредственное участие в формировании новой исторической действительности.

Очерк К.И. Чуковского «Борьба с роскошью в Англии» [Чуковский, 1916], опубликованный в журнале «Нива», продолжает конкретизировать события, происходящие в Лондоне в 1916 году. Смысловая доминанта очерка, как и в очерке В.Д. Набокова, поддерживает мотив войны, но уже внутри страны – борьба развивается внутри пространства Лондона. Здесь врагом становится привычная англичанам роскошь, борьба с которой активно пропагандируется в средствах массовой информации Британии. Целью борьбы становится экономия денежных средств, которые можно направить на ведение более эффективных военных действий. К.И. Чуковский приводит примеры из английской газеты «Daily Mail»: «Вот уже полгода как призыв к экономии сделался в Англии лозунгом.

– Долой воротнички и манжеты! – призывает, например, «Daily Mail». – Откажитесь от крахмального белья! Ведь в Англии еженедельно крахмалится пятьдесят миллионов штук манишек, воротничков и манжет! В год два с половиной миллиарда! Сколько тратится крахмала и угля! На семьдесят миллионов рублей!» [Там же, с. 805].

«Борьба с роскошью» в очерке становится комплексной эмоцией, которая включает в качестве составляющих ее частных эмоциональных смыслов эмоции удивления, радости, энтузиазма, удовольствия, гордости, патриотизма. Пресса активно пропагандирует необходимость экономии, публикуя различные, зачастую даже абсурдные, способы сокращения трат. Через средства массовой информации население Англии вовлекается в игру под названием «бережливость»: «Начался любопытнейший спорт: кто кого превзойдет в экономии. Во всех газетах замечали заметки:

– Как из старой шляпы сделать новую.

– Как из газетной бумаги сшить себе матрац и одеяло» [Чуковский, 1916, с. 805].

К.И. Чуковский иронизирует над англичанами, охваченными азартом бережливости, сравнивая экономию с возникновением новой общей религии. Тем не менее, по мнению автора, даже такой нелепый порыв способен объединить население страны, что необходимо для поддержки духа граждан в период войны. Общая борьба внутри страны, новая национальная идея, помогает сплотить англичан, уставших от военных действий.

Распространение и всеобщая поддержка идеи бережливости меняет лицо города. Горожане активно начинают воплощать в жизнь призыв газет построить на крышах домов курятники: «Если Рим был спасен гусями, то Лондон спасут только куры» [Там же, с. 806]. Лондон становится похож на «куриное царство». Даже высшие сословия отказываются от благ цивилизации: носят старомодные платья, отрекаются от автомобилей, не покупают заграничных товаров, по возможности обходятся без прислуги. В Лондоне создаются десятки обществ, лиг по борьбе с роскошью. Пропаганда экономии доходит до абсурда – организована даже «Выставка бережливости», которую посетила английская королева.

Тем не менее, К.И. Чуковский отмечает: «Не смейтесь же над смешными проектами: В Англии и из этого мусора умеют извлекать драгоценности. Всякая, даже самая большая, реформа начинается в Англии именно с “писем в редакцию”, с наивнейших, нелепейших проектов» [Там же, с. 807]. Нелепые проекты постепенно оформляются в стройную государственную линию, разрабатываются и принимаются новые законы.

В очерке К.И. Чуковский объясняет цель экономии. Англия видит в этом двойную пользу: с одной стороны, уменьшение спроса приводит к снижению цен, с другой стороны, освобождаются средства для ведения военных действий. Автор подробно описывает механизм получения денег английским правительством: введение облигаций военных займов, вклады населения в банки, продажа билетов-сертификатов. Прагматизм Англии поражает К.И. Чуковского, заканчивая свой очерк, он замечает: «Судя по отчетам английских газет, к началу 1916 года эти грошовые сертификаты дали английским военным властям 450 миллионов» [Там же, с. 809].

В отличие от В.Д. Набокова, который освещает в своем очерке в большей степени русско-британские отношения, К.И. Чуковскому важно познакомить читателя с внутренней стороной жизни английского народа, попытаться передать те чувства и эмоции, которые движут англичанами. Социальные конфликты помогают сгладить возникновение общей национальной идеи, которая сплачивает народ. Для К.И. Чуковского важно описание не Лондона как такового, а эмоционального состояния городского пространства. Лондон, по мнению автора, становится городом борьбы, борьбы с самим собой.

Итак, для выявления специфики лондонского текста в очерковой прозе первой половины XX века нами были рассмотрены очерки В.Д. Набокова «Из воюющей Англии» и К.И. Чуковского «Борьба с роскошью». На данном материале было выяснено, что, опираясь на опыт XIX века в описании лондонского текста русской культуры, а именно в использовании определенной схемы построения

текста, журналистика первой половины XX века вносит свои коррективы, актуализируя мотив современности, меняющейся исторической действительности.

Писатели не могут удовлетвориться только описанием и исследованием внешней формы городского пространства. Они ориентированы на поиск универсальных оснований сознания. В этом нам видится модернистский принцип описания мира. Конструируя Лондон, писатели невольно опираются на модернистскую эстетику освоения пространства. Модернизм, в отличие от классической философии направлен не просто на описание мира, но исходит из того, что человек сам способен изменять этот мир. Для модернизма мир является не только объектом изменения и преобразования, но и конкретным орудием для достижения личной или общественной пользы. История, в снятом виде, оказывается необходимым элементом мышления.

Литература

- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1970–1985. Т. 5. Л., 1973.
- Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
- Набоков В.Д. Из воюющей Англии // «Речь». 1916. № 54. 22 дек. С. 2–27.
- Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Федорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. М., 1997.
- Чуковский К.И. Борьба с роскошью // «Нива». 1916. № 49. 3 дек. С. 805–809.
- «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646 – 1945 / Подгот. О.А. Казнина, А.Н. Николюкин. М., 2001.
- Olshansky D.A. Strategy of «Immersion» in Historical Reading // Pathways News. Issue number 34, 16th June 2002.
- The Soul of Russia / Ed. by W. Stephens. L., 1916.